

С. Б. БЕРНШТЕЙН

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ, МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ «СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ»

§ 1. После длительного перерыва перед советскими лингвистами вновь поставлена важнейшая задача сравнительно-исторического изучения групп родственных языков. Несмотря на совершенно ясные и четкие заявления Маркса и Энгельса о важности сравнительно-исторического метода, последователи акад. Н. Я. Марра объявили сравнительное языкознание порождением идеалистических и расистских тенденций буржуазной науки. Приостановив на длительный срок исследования в области сравнительного языкознания, нарушив нормальную подготовку молодых ученых, марристы нанесли советской науке большой ущерб. Почти прекратились исследования по истории русского языка (главным образом, древнейшего периода), так как успешно они могли проводиться лишь на основе сравнительно-исторического изучения славянских языков.

И. В. Сталин положил конец господству «нового учения» о языке Н. Я. Марра и поставил перед советскими лингвистами задачу внедрения марксизма в языкознание. Он указал на необходимость дальнейшего развития сравнительного языкознания, на необходимость изучения языкового родства славянских народов¹.

Перед специалистами по сравнительной грамматике славянских языков в настоящее время стоят очень ответственные задачи. Необходимо начать работу над специальными монографиями, приступить к написанию сводной сравнительной грамматики славянских языков, обратить особое внимание на подготовку молодых специалистов. «Необходимо в ближайшие же годы написать сравнительно-историческую грамматику славянских языков. Чтобы приблизить осуществление этой важнейшей задачи, выдвинутой И. В. Сталиным, следует немедленно и энергично взяться за собирание новых материалов, относящихся к исследованию истории грамматического строя отдельных славянских языков, прежде всего русского. Для выполнения этой важной задачи, тесно связанной с изучением „языкового родства славянских наций“, нужны организационные меры, необходимы объединенные усилия институтов языкознания и Института славяноведения Академии наук СССР и Украинской Академии наук»².

После 1950 г. опубликовано много статей, посвященных сравнительно-историческому методу, определению задач, стоящих в настоящее время перед специалистами в области сравнительного языкознания (главным образом, славянского). Нет сомнения, что они принесли большую пользу и помогли подойти к исследованию конкретного материала на новых методологических основах. Большую роль сыграли дискуссии, проведенные в Институте языкознания АН СССР и на филологическом факультете МГУ.

¹ См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, стр. 33—34.

² В. В. Виноградов, Развитие советского языкознания в свете учения И. В. Сталина о языке, сб. «Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“», М., 1951, стр. 109—110.

В настоящее время начата работа над рядом специальных монографий («История категорий твердости и мягкости согласных в славянских языках в связи с историей вокализма», «Творительный падеж в славянских языках», «История именных и местоименных прилагательных в славянских языках», «История видовых отношений славянского глагола»). Утверждено несколько новых диссертационных тем. Начата работа над большим проспектом по сравнительной грамматике славянских языков, а также над учебным пособием для студентов.

Создание обобщающей сравнительной грамматики славянских языков — дело очень трудное и ответственное. Оно требует предварительного решения многих сложных вопросов. Необходимо точно определить содержание данной грамматики, что, как мы увидим дальше, не так просто и легко сделать. Нужно всесторонне оценить вклад русских ученых в сравнительно-историческое изучение славянских языков, обратив при этом особое внимание на основные методологические принципы. Не менее важной задачей является анализ состояния современного зарубежного языкознания. Нужно обратить внимание на сравнительно-историческое изучение групп родственных языков представителями различных школ и направлений (теория субстрата, структурализм, неолингвистика и др.). В самых общих чертах недостатки многих новейших исследований нам ясны и теперь. Мы не можем принять антиисторических схем «неолингвиста» Д. Бонфанте, бесплодных сравнительных сопоставлений отдельных изолированных фактов, характерных для структуралистов. Однако необходимо уяснить не только суть основных ошибок, с которыми приходится встречаться в новейших зарубежных исследованиях по сравнительно-историческому языкознанию. Эти труды требуют всестороннего анализа и критики с позиций советского языкознания. Это необходимо еще и потому, что во многих трудах мы находим ценные и важные наблюдения, открытия, которые необходимо учитывать в полной мере³.

Совершенно очевидно, что работа над созданием сводной сравнительной грамматики славянских языков должна вестись в самом тесном контакте с передовыми лингвистами славянских стран народной демократии, работающими в области сравнительного языкознания. В последние годы в Чехословакии, Польше и Болгарии начался серьезный пересмотр основных методологических принципов, лежащих в основе сравнительно-исторических исследований. Так, в чешском журнале «Slavia» напечатано несколько статей, авторы которых стремятся по-новому подойти к определению основных задач сравнительной грамматики. Проф. Б. А. Гавранек в своей статье справедливо указывает на то, что «буржуазная лингвистика завела сравнительное изучение славянских языков в тупик»⁴. Он обращает внимание на необходимость серьезной критики структурализма, который в довоенной Чехословакии пустил глубокие корни и влияние которого еще сильно сказывается в настоящее время. Аналогичная задача стоит и перед польскими и болгарскими лингвистами.

§ 2. Как мы указали выше, советские лингвисты в последние годы много сделали в определении возможностей сравнительно-исторического метода, его отношения к другим приемам исследования. Однако некоторые положения вызывают серьезные возражения. Речь идет о его применении в области синтаксиса и о так называемой «внутренней» и «внешней» реконструкции.

³ Ср., например, очень важное для славистов новейшее исследование Ю. Куриловича (J. Kurylowicz, *L'accentuation des langues indoeuropéennes*, Kraków, 1952).

⁴ Б. H a v r á n e k, *Srovnávací slovanská jazykověda ve světle Stalinových prací*, «Slavia», R. XXI, seš. 1, Praha, 1952, стр. 1.

Следует отметить, что во многих статьях последних лет, посвященных проблемам сравнительно-исторического изучения групп родственных языков, вольно или невольно смешиваются два различных понятия: сравнительная грамматика и сравнительно-исторический метод. Один термин свободно подменяется другим. А между тем это вещи разные. Сравнительно-исторический метод получает широкое применение не только в сравнительной грамматике. Этим методом обычно пользуются историки отдельных языков, диалектологи. Различные типы южновеликорусского яканья были установлены именно при помощи сравнительно-исторического метода. С другой стороны, специалист по сравнительной грамматике пользуется различными методами и приемами исследования, среди которых сравнительно-исторический метод занимает, бесспорно, центральное место. Сравнительно-исторический метод, опирающийся на изучение родственных морфем, не может найти применения в области синтаксиса. Отсюда нельзя делать вывод, что в сравнительной грамматике нет места для синтаксиса. Изучение синтаксических вопросов теперь должно стоять в центре внимания специалистов по сравнительной грамматике. Однако нет никакого сомнения в том, что, например, общеславянская форма **gord-* и общеславянские функции и значения творительного падежа восстанавливаются различными приемами.

Исследуя родственные морфемы в различных условиях, в разные исторические периоды, мы в ряде случаев уверенно и безошибочно можем реконструировать утраченный уже в дописьменный период вид морфем. Все фонетические соответствия родственных языков, наконец, все фонетические законы были установлены при помощи сравнительно-исторического изучения родственных морфем. Именно на этой основе и строится сравнительно-исторический метод.

Иными приемами приходится пользоваться при изучении значения различных грамматических категорий (например, значений падежей), при изучении синтаксических конструкций. Нужно прямо сказать, что сравнительно-историческое языкознание не выработало точных и вполне научных приемов сравнения в области синтаксиса. Сравнительный синтаксис оказался наименее разработанным отделом, несмотря на то, что уже в середине XIX в. ему уделялось большое внимание (ср., например, работы Фр. Миклошича). Именно этим объясняются бесконечные споры о значении глагольного вида в общеславянском языке, о значении и функциях падежей в древнейший период истории индоевропейских языков.

Изучение истории синтаксических явлений дописьменного периода представляет собою большие трудности. Оно требует тщательного и глубокого исследования памятников письменности, говоров, привлечения материала многих родственных языков. Исследователь должен обратить особое внимание на историю функций и значений различных синтаксических категорий в отдельных родственных языках. Здесь очень опасны внешние сопоставления, сделанные без учета данной истории. Примеры подобных сопоставлений можно привести даже из новых работ.

Еще в 1911 г. в своих «Славяно-балтийских этюдах» проф. Я. Эндзелин обратил внимание на творительный предикативный в славянских и балтийских языках. Тогда он высказал предположение, что данное синтаксическое явление «...указывает на эпоху совместной жизни славянских и балтийских племен...»⁵ Несмотря на то, что это положение было подвергнуто основательной критике, проф. Эндзелин вновь повторил его в 1953 г. в еще более категорической форме⁶. К такому выводу он пришел

⁵ И. Эндзелин, Славяно-балтийские этюды, Харьков, 1911, стр. 190.

⁶ См. его же, Древнейшие славяно-балтийские языковые связи, «Труды Ин-та языка и лит-ры АН Латв. ССР», II, Рига, 1953, стр. 77.

на основе внешнего сопоставления сходных синтаксических конструкций, без учета истории этих конструкций в славянских и балтийских языках.

А между тем творительный предикативный в славянских языках появился сравнительно поздно. Его нет в старославянском языке. И в настоящее время он распространен не во всех славянских языках. Так, в южных славянских языках он встречается редко. Представляя различия в его употреблении западные и восточные славянские языки. Памятники славянской письменности хорошо показывают процесс вытеснения второго именительного творительным падежом. Нет никакого сомнения, что общеславянский язык в составе сказуемого творительного падежа не употреблял.

Совсем другой характер творительный предикативный носит в балтийских языках. И здесь он не является общей синтаксической конструкцией. Наибольшее развитие он получил в литовском языке. Однако самая важная особенность этой синтаксической конструкции заключается в том, что, например, в латышском языке, по свидетельству самого Эндзеллина, она является архаичной, встречающейся теперь уже редко — лишь в народных песнях. «О том, что и латыши прежде могли так выражаться (т. е. употреблять творительный падеж в именной части сказуемого. — С. Б.), свидетельствуют латышские народные песни»⁷. Таким образом, в латышском второй именительный вытеснил творительный падеж, что существенно в данном пункте отличает его от литовского языка.

Итак, данное синтаксическое явление не может свидетельствовать в пользу теории «славяно-балтийского языка-основы». Эндзеллин допустил грубую ошибку в самом принципе сравнения синтаксических явлений, так как он не опирался на изучение внутренних законов развития славянских и балтийских языков.

При исследовании истории падежей перед нами встают различные задачи, которые требуют различных методов и приемов исследования. Нас может интересовать происхождение и история падежных формативов. Этот вопрос решается при помощи сравнительно-исторического метода. Он дает нам возможность выяснить генезис различных флексий, историю их в отдельных родственных языках. Но перед исследователем стоит еще задача изучения истории синтаксических функций и истории значений падежей. Эти вопросы не могут быть изучены при помощи сравнительно-исторического метода. Они требуют других приемов изучения.

Язык развивается по определенным законам. Однако необходимо учитывать их своеобразие в различных аспектах языка. Изучая звуковой строй, мы видим, как в результате определенных фонетических законов происходит изменение одних звуков в другие. Сравнительно-исторический метод дает нам возможность изучить эти законы и с их помощью реконструировать древнейший вид морфем «языка-основы». Развитие синтаксических конструкций и значений идет иначе. Лингвистам удалось восстановить большинство индоевропейских падежных флексий. Однако древнейшие значения индоевропейских падежей до сих пор определить не удалось, так как развитие их происходит гораздо сложнее.

Трудно в настоящее время точно определить приемы реконструкций функций и значений. Особенно сложно это сделать при изучении индоевропейского «языка-основы». Задача, как нам представляется, состоит в настоящее время в том, чтобы детально изучить историю функций и значений по памятникам письменности с широким привлечением диалектных данных. В этом направлении предстоит еще большая работа. До сих пор историки синтаксических явлений игнорируют диалектологический ма-

⁷ И. Эндзеллин, Древнейшие славяно-балтийские языковые связи, стр. 77.

териал⁸. Исследовав историю функций и значений различных грамматических категорий, синтаксических конструкций в отдельных славянских языках, мы получим надежный материал для характеристики общеславянского языка.

В журнале «Вопросы языкознания» была напечатана очень интересная статья А. И. Смирницкого о сравнительно-историческом методе в языкознании, которая содержит ряд важных и принципиальных положений. Однако имеются в ней и спорные утверждения. Правильно указав на то, что сравнительно-исторический метод опирается на изучение морфем, А. И. Смирницкий, однако, полагает, что изучение родственных морфем в пределах одного языка уже выходит за рамки этого метода. Сравнительное изучение родственных морфем в одном языке производится при помощи метода фоно-морфологического анализа. «Можно, следовательно, говорить о „методе фоно-морфологического анализа“, как другом приеме восстановления, существующем наряду со сравнительно-историческим методом. Различием между обоими методами является то, что при сравнительно-историческом методе сравниваются факты разных языков, тогда как при „методе фоно-морфологического анализа“ сопоставляются факты в пределах одного языка (почему здесь говорят о „внутренней“ реконструкции)... Фоно-морфологический анализ является важным дополнением к сравнительно-историческому методу, с которым он естественно может сочетаться»⁹.

Это положение проф. Смирницкого представляется нам ошибочным. Фоно-морфологический анализ слов присутствует в любом лингвистическом исследовании. Существо этого анализа бывает различным в зависимости от характера и задач самого исследования. Присутствует этот анализ и в любом сравнительно-историческом труде. Противопоставлять вслед за некоторыми зарубежными лингвистами «внутреннюю» и «внешнюю» реконструкции нет оснований. Методы и приемы сравнительно-исторического изучения родственных морфем только в одном литературном языке, или во всех диалектах одного языка, или, наконец, во всех родственных языках будут одинаковыми.

Существование носового гласного в слове *рука* доказывается сравнением этого русского слова с польским *ręka*, со старославянским *ръка*, с болгарским *ръка*, со словинским *roka*, всех этих славянских примеров с литовским *ranka*. Однако для доказательства существования носовых гласных в древнерусском языке в ряде случаев достаточно ограничиться сравнением родственных морфем в современном русском литературном языке (ср. *взять* — *возьму*, *жечь* — *жгу*, *имя* — *имена*, *запутывать* — *запонка*, *дуть* — *надменный* и т. д.). И в том и в другом случае мы имеем дело с одним и тем же приемом изучения родственных морфем, который в нашей науке называется сравнительно-историческим методом.

Таким образом, дальнейшая разработка более точных приемов сравнительного изучения родственных языков, ограничение собственно сравнительно-исторического метода от близких ему приемов сравнения должны идти не по тому пути, который рекомендует А. И. Смирницкий. Сравнительно-исторические исследования в области синтаксиса строятся на других приемах, нежели исследования в области фонетики и морфологии. Нет сомнения, что и изучение лексики также потребует разработки новых приемов исследования групп родственных языков.

⁸ Ср., например, автореферат недавно защищенной кандидатской диссертации Е. А. Седелникова «Функции непредикативных конструкций с творительным падежом в древнерусском литературном языке» (М., 1953).

⁹ А. И. Смирницкий, К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкознании, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 4, стр. 14.

§ 3. Уже теперь, в самом начале нашей работы, мы должны тщательно продумать вопрос о построении будущей сравнительной грамматики славянских языков, о принципах отбора материала. План сравнительной грамматики Фр. Миклошича нельзя признать удачным. Как известно, его труд представляет собой краткие очерки отдельных славянских языков: старославянского, словенского, болгарского, сербско-хорватского, украинского, русского, чешского, польского, верхнелужицкого и нижнелужицкого. При таком построении невозможно изложить историю общеславянского языка, общеславянские процессы в отдельных славянских языках, установить соотносительную хронологию различных процессов, определить характер родственных связей между славянскими языками в различные периоды их истории. Аналогично построены «Лекции по славянскому языкознанию» Т. Д. Флоринского и «Славянское языкознание» А. М. Селищева. Однако авторы этих трудов не ставили перед собою задачи создания сравнительной грамматики.

Нам представляется, что в основу будущей сравнительной грамматики славянских языков необходимо положить иной принцип группировки материала. Следует пойти по пути известного чешского слависта В. Вондрака, который в своей «Сравнительной грамматике славянских языков» дает синтетическое описание фонетики, словообразования, морфологии и синтаксиса. По такому плану написано большинство сравнительных грамматик. Именно такой план избрал и А. Вайан, опубликовавший в 1950 г. первый том (фонетику) своей сравнительной грамматики славянских языков.

Нет сомнения в том, что, кроме фонетики, словообразования, морфологии и синтаксиса, в сравнительной грамматике должна быть часть (том), посвященная словарному составу. Должны быть охарактеризованы древнейший славянский словарный фонд, связанный с условиями жизни и быта древних славян, и наиболее существенные изменения в словарном составе, а также должен быть дан анализ древнейших заимствованных слов. Именно здесь необходимо подвести основные итоги многолетним этимологическим исследованиям славистов и определить наиболее важные задачи, стоящие в настоящее время перед славистами-этимологами. В подобного рода исследованиях крайне заинтересованы историки, стремящиеся использовать данные языка для изучения древнейшей истории славян.

Вводная часть (том) сравнительной грамматики славянских языков должна содержать детальный критический разбор всех основных трудов по сравнительно-историческому изучению славянских языков, определение тех новых задач, которые в настоящее время стоят перед советскими славистами, всесторонний анализ современного состояния славяно-балтийской проблемы. Необходимо также точно определить, насколько возможно на основании данных языкового материала решать вопросы этногенеза славян. Таким образом, «Сравнительная грамматика славянских языков» должна состоять из следующих частей (томов): введение, фонетика, словообразование, морфология, синтаксис и словарный состав.

Прежде лингвисты очень легко и просто решали вопросы о границах между фонетикой и морфологией, между морфологией и синтаксисом. Именно поэтому для Вондрака, например, не существовало никаких трудностей при распределении материала по основным разделам его сравнительной грамматики. В настоящее время эти вопросы решить гораздо сложнее. Например, так как теперь нет сомнения в том, что древнейшие чередования гласных уже в общеславянском языке не были позиционно обусловлены, а представляли собою чередования различных фонем в составе одной морфемы, они должны рассматриваться при изучении грамматического строя общеславянского языка, при исследовании именных

и глагольных основ, а не в фонетике. Вопросы чередований согласных разрешить сложнее. В общеславянском языке эти чередования были в определенные периоды его истории позиционными, т. е. характеризовали звуковую строй. Позже и они стали непозиционными. Именно поэтому различные изменения согласных должны рассматриваться как в фонетике, так и в других частях (томах). В настоящее время нельзя историю ударения и количества излагать только при характеристике звуковых изменений. Славянская интонация, возникшая в результате определенных фонетических условий (в результате перехода ударения с внутренних слогов на начальный), впоследствии начала играть важную морфологическую роль. Вот почему вопросы интонации будут подробно трактоваться как в фонетике, так и в морфологии.

Совершенно ясно, что построение сравнительной грамматики, ее внутренняя структура являются важнейшими теоретическими проблемами. Они должны быть подвергнуты всестороннему обсуждению.

Еще сложнее решается вопрос отбора материала. Он тесно связан с определением задач сравнительно-исторического изучения групп родственных языков. Решается этот вопрос по-разному. В рецензии на «Сравнительную грамматику славянских языков» А. Вайана П. С. Кузнецов пишет: «Задачей сравнительно-исторической фонетики является восстановление на основании сопоставления звуковых систем родственных языков различных периодов их исторически засвидетельствованного существования звуковой системы общего для данной группы или семьи языка-основы (в какой мере, конечно, эта система может быть восстановлена) и определение тех путей, какими эта система развивалась, преобразовывалась постепенно в различные звуковые системы, которые ныне характеризуют отдельные родственные языки и их диалекты»¹⁰. С таким определением задач сравнительной фонетики родственных языков согласиться невозможно. Все ли явления исторической фонетики славянских языков должны войти в сравнительную грамматику славянских языков? Конечно, нет. Сравнительная фонетика не должна представлять собою механического соединения исторических фонетик отдельных славянских языков. Сравнительная грамматика — самостоятельная область языкознания со своей проблематикой и своим материалом. Конечно, она самым тесным образом связана с историей отдельных родственных языков. Больше того, нельзя определить объема сравнительной грамматики, решить вопрос о включении того или иного явления в сравнительную грамматику, не опираясь при этом на изучение внутренних законов развития отдельных языков. Но при этом нужно видеть не только общее, не только то, что связывает сравнительно-историческое изучение групп родственных языков и изучение истории одного из этих языков, но и отличное, особенное. Специалист по сравнительной грамматике изучает историю «языка-основы» и те явления в истории отдельных родственных языков, которые объединяют их в одну группу, которые в какой-то степени являются реализацией законов, действовавших в древнейший дописьменный период. Так, у нас нет оснований включать в сравнительную грамматику славянских языков изменения безударного вокализма в южновеликорусских, белорусских, восточноболгарских и словенских говорах в связи с тем, что эти процессы сравнительно позднего происхождения, генезис их в указанных славянских языках различен. Это уже давно достаточно убедительно было показано акад. Шахматовым. В сравнительной грамматике большое место должно занять всестороннее изучение истории славянской

¹⁰ П. С. Кузнецов, [рец. на кн.:] André Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves*, t. I, Paris, 1950..., «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М.—Л., 1951, вып. 4, стр. 393—394.

именной системы. Но нет сомнения в том, что утрата падежных флексий в болгарском языке не может трактоваться в сравнительной грамматике.

Процесс изменения гласного *e* в *o* в определенных фонетических условиях был пережит рядом славянских языков в сравнительно поздний период (например, русским, польским и лужицкими языками). Многие славянские языки этого фонетического процесса не знали. И тем не менее специалист по сравнительной грамматике должен уделить изменению *e* в *o* большое внимание, так как данное фонетическое явление самым тесным образом связано с историей категории твердости и мягкости согласных — одной из центральных проблем сравнительной фонетики славянских языков.

При исследовании многих частных проблем отдельных языков исследователь может стать на путь сравнения, он может привлечь разнообразные факты из родственных языков, которые окажутся ему очень полезными и нужными. Трудно предусмотреть все возможные случаи. Однако в с о б о й сравнительной грамматике должен быть произведен строгий отбор этих фактов. В ней должны найти место лишь те явления из поздней истории языков, которые в какой-то степени являются отражением общих процессов для данной группы родственных языков, генетически связанных между собою.

§ 4. Одной из центральных задач, стоящих перед исследователями в области сравнительной грамматики славянских языков, является изучение истории общеславянского «языка-основы». Необходимо обратить особое внимание на установление важнейших принципов изучения языков дописьменного периода, на необходимость всестороннего анализа существующих трудов, посвященных общеславянскому языку.

Современные индоевропейские языки имеют длительную историю. От начальных эпох их развития и до появления первых памятников письменности прошел очень большой срок. Нельзя понять структуры современных языков, если игнорировать дописьменную эпоху, более длительную и для ряда языков более важную, нежели период, отраженный в сохранившихся рукописных и старопечатных текстах.

Впервые славянская речь получила литературную обработку во второй половине IX в. н. э. На основании сохранившихся древнейших памятников (самый старый датированный текст идет от 943 г.) мы можем представить состояние славянских языков к концу I тысячелетия н. э., и нужно сказать, что уже самые первые памятники славянской речи свидетельствуют, что славянские языки к этому времени пережили чрезвычайно глубокие изменения. Именно в дописьменный период был пережит процесс утраты закрытых слогов, в результате которого произошли существенные изменения в звуковом и грамматическом строе общеславянского языка.

Нельзя сказать, что лингвисты игнорируют дописьменный период. Наоборот, начиная с самого возникновения сравнительно-исторического языкознания, основное внимание компаративистов было направлено именно на реконструкцию древнейших утраченных форм. Бесспорно, дописьменный период в истории всех индоевропейских языков изучался более тщательно, нежели поздние эпохи. И тем не менее в изучении именно этого периода обнаруживаются существенные недостатки, которые в предстоящей работе по сравнительной грамматике необходимо преодолеть.

Дописьменный период истории большинства языков — это время существования родовых и племенных языков. Чаще всего письменность на родном языке появляется в эпоху раннего феодализма, уже в период существования народности и народного языка. Работая над сравнительной грамматикой, мы должны особое внимание обратить на изучение дописьменного периода в истории славянских языков. Старой науке о язы-

ке не удалось полностью разрешить проблему изучения истории языков дописьменного периода. В языкознании крепко утвердилось учение о «доисторическом периоде». И тут дело не только в термине. Оно вполне соответствует содержанию как общих, так и частных исследований судеб различных индоевропейских языков древнейшей поры. Это сказалось не только в том, что язык отрывался от истории общества, от истории первобытно-общинного коллектива, но и в изучении самих языковых процессов. Приведем в качестве примера книгу известного французского лингвиста А. Мейе «Общеславянский язык», вышедшую недавно в русском переводе. Пример этот будет вполне показателен, так как книга А. Мейе принадлежит к числу лучших трудов, трактующих вопросы общеславянского периода.

В предисловии к своему труду Мейе пишет, что на общеславянском языке, анализу которого посвящена его книга, «...говорили в одной, точно не установленной, области Восточной Европы, в эпоху, также не поддающуюся уточнению — значительно позже I века и значительно раньше IX века н. э.»¹¹. Эта хронология является совершенно условной, она не связана с содержанием книги, в которой сам языковой материал рассматривается вне всякой связи с историей славян указанного автором периода и находится в очевидном противоречии с хронологией автора.

Формирование общеславянского «языка-основы» произошло в глубокой древности. Хронология Мейе («значительно позже I века и значительно раньше IX века н. э.») охватывает поздний период истории общеславянского языка, непосредственно предшествующий его распаду на диалекты, из которых впоследствии сформировались три основные группы славянских языков. Нельзя упрекнуть автора за то, что он решил посвятить свой труд истории общеславянского языка в I тысячелетии н. э. Научно вполне оправдано изучение позднего периода истории этого языка. Однако материал книги оказался в противоречии с поставленной автором задачей. Мейе рассматривает результаты в с е х важнейших процессов общеславянского периода, происходивших на протяжении в с е й его истории. Больше того, привлекая богатый и ценный материал из санскрита, греческого, латинского, готского, литовского и других индоевропейских языков, Мейе фактически главное внимание уделяет именно древнейшим процессам. Изучение поздних процессов общеславянского языка возможно прежде всего на материале с л а в я н с к и х языков.

Мейе часто смешивает различные эпохи в истории общеславянского языка и отдельных славянских языков. Так, он сопоставляет открытый характер общеславянского *ѣ* с аканием в русском и белорусском языках. В книге совершенно свободно сопоставляются языковые факты самых различных эпох. Смело и уверенно он создает из разнородных фактов «общеславянский язык», отдельные элементы которого реально существовали, но в различные эпохи. Вот почему его книга «Общеславянский язык» — это не и с т о р и я общеславянского «языка-основы», а только ценное собрание славянских языковых древностей. Мейе даже и не ставит перед собой задачи изучения истории общеславянского языка. Он пишет: «Наша задача состоит в том, чтобы определить здесь фонетическую и морфологическую с и с т е м у (разрядка напa.— С. Б.) общеславянского языка и показать его отношение к общиндоевропейскому и к исторически засвидетельствованным славянским языкам»¹². Но системы не получилось и не могло получиться, так как в течение своей многовековой истории общеславянский язык претерпевал глубокие изменения. Нельзя говорить

¹¹ А. Мейе, *Общеславянский язык*, М., Изд-во иностр. лит-ры, 1951, стр. 1.

¹² Там же, стр. 6.

об единой системе общеславянского языка в различные периоды его существования.

Близка по своему методу к труду Мейе вышедшая недавно книга А. М. Селищева «Старославянский язык» (части I и II). Преимущество А. М. Селищева — превосходное знание славянских языков, их истории и диалектологии. А. М. Селищев лучше Мейе умеет обнаруживать процессовую сторону отдельных явлений, в его работе нет ошибочных сопоставлений. Но и А. М. Селищев, подобно Мейе, не дает истории общеславянского языка. Автор все время нарушает хронологию, так как для него дописьменный период также является историческим. Это часто приводит к противоречиям, особенно недопустимым в учебном пособии. Приведу один из многочисленных примеров.

Из § 44 читатель узнает, что «все славянские языки имели гласные долгие и краткие»¹³. Затем указывается, что в некоторых позициях долгота могла сокращаться, в других — сохраняться. После этого приводятся примеры из разных индоевропейских языков, свидетельствующие, что *ā* и *ō* в славянском совпали в одном звуке *ā*, а *ā* и *ō* — в звуке *ǫ*. Говоря в разных местах книги о монофтонгизации дифтонгов (цельного изложения этого важнейшего процесса общеславянского языка в книге нет), автор указывает, что монофтонгизации предшествовало сокращение слоговой части дифтонга. Это привело к совпадению дифтонгов *ǫi* и *āi*, *ǫi* и *āi*, так как *ā* должно было измениться в *ǫ*. В § 154 А. М. Селищев сообщает о других случаях сокращения прежних долгот. «Можно полагать, что уже в доисторическую эпоху произошли сокращения долготы слога в следующих положениях.

1) Долгие гласные сократились перед ударным слогом, имевшим акутовый (восходящий) тип ударения на долгом гласном...

2) Сократился долгий гласный, не находившийся непосредственно перед ударением...

3) Сократился долгий гласный под ударением в третьем или четвертом слоге от конца...

4) Сократился долгий гласный в конце слова вне ударения и под ударением...»¹⁴ В результате произошло сокращение *ā* в таких словах, как: *daleko* > *dāleko*; *jagoda* > *jāgoda*; *ryba* > *rāba*; *voda* > *vāda* и многих других. Естественно, что у читателя возникает вопрос, на который, однако, в книге ответа нет: почему во всех указанных случаях *ā* не изменилось в *ǫ*? Объясняется же это тем, что сокращения долгот происходили в различные периоды истории общеславянского языка. Сокращение долгот слоговой части дифтонгов происходило еще в тот период, когда позиционные изменения количества приводили обязательно к изменению артикуляции гласного. Это был период до утраты закрытых слогов. В других случаях (например, в конце слова) долгота утрачивалась поздно, в тот период развития общеславянского вокализма, когда в определенных условиях возможны были не только *ā*, но и *ō*.

Изучение дописьменного периода в истории любой группы родственных языков производится прежде всего при помощи сравнительно-исторического метода. Именно этот метод дает возможность проникнуть вглубь истории языков, установить их древнейшие законы, изучить происхождение корнеслова и формативов, верно реконструировать утраченную форму. Однако данные нашей науки показывают, что для изучения подлинной истории дописьменного периода недостаточно владеть сравнительно-историческим методом. Лучшим подтверждением этой мысли

¹³ А. М. Селищев, Старославянский язык. Ч. I — Введение. Фонетика, М., Учпедгиз, 1951, стр. 112.

¹⁴ Там же, стр. 233—234.

является уже упоминавшийся нами «Общеславянский язык» Мейе. А. Мейе был выдающимся специалистом в области сравнительного языкознания. Его многочисленные этимологии свидетельствуют о превосходном и мастерском владении сравнительно-историческим методом. В этом отношении современным лингвистам есть чему поучиться у Мейе. И тем не менее ему не удалось дать истории общеславянского языка.

В «Общеславянском языке» мы найдем очень много безупречных этимологий, бесспорных реконструкций. Задача, однако, состоит в том, чтобы правильно соотнести реконструированные формы, чтобы установить взаимосвязь между ними и показать их историю. Реконструированная морфема является своего рода абстракцией. Исследователь должен определить ее место в истории общеславянского языка. А это возможно лишь при конкретно-историческом подходе к языковым фактам. Обнаружив те или иные звуковые изменения в определенных морфемах, недостаточно только определить условия их появления (например, условия смягчения заднеязычных, условия перехода *z* в *x* и др.). Необходимо определить характер этих изменений для различных периодов в истории языка. В одних случаях это будут позиционные фонетические изменения одной фонемы, в других — непозиционные морфологические чередования разных фонем. Разрешение этой задачи невозможно без определения фонологического значения фонетических изменений, без установления взаимосвязи между всеми элементами языковой системы.

Этого мы не найдем в «Общеславянском языке». Изложение звуковой системы в этой книге начинается с определения состава согласных и гласных. Мы узнаем, что общеславянский язык имел гласные заднего ряда *a, o, ъ, y, u, ѳ*, переднего ряда — *ě, e, ѳ, i, ē*. Долгими были гласные *a, ѳ, ě, y, ē*, краткими — *o, e*, сверхкраткими — *ѳ, ѳ*. «Эти гласные, — пишет Мейе, — образуют пары: *ě* противостоит *a*, *e* — *o*, *ѳ* — *ѳ*, *i* — одновременно *y* и *u*, *ē* — *ѳ*. Это противопоставление господствует в фонетике и расширяет поэтому различные морфологические типы»¹⁵.

Эта схема лишена определенной исторической конкретности. Предложенная система гласных явилась результатом длительного развития общеславянского языка. В начальной стадии его развития были представлены долгие гласные *a, o, e, u, i* и краткие *a, o, e, u, i*. В этот древнейший период соотношения между долгими и краткими гласными были иными, нежели в поздний. Позже в этой системе вокализма произошли существенные изменения. Долгие *a* и *o* совпали в *ā*; краткие *a* и *o* совпали в *ǫ*. Долгое *e* изменилось в *ĕ*, после заднеязычных и *j* — в *a*. Долгое *u* изменилось в *y*. Из кратких *u, i* возникли новые сверхкраткие, редуцированные гласные. Такова была система вокализма, предшествовавшая непосредственно периоду утраты закрытых слогов. К этому времени установились иные взаимоотношения между долгими и краткими гласными. Так, древняя пара *ā — ǫ* в этот период уже отражена в виде *y — ѳ*. Устанавливаются иные взаимоотношения между гласными *a, o, e, ě*. Устанавливаются новые пары *a — ě, o — e* (ср. *kričati — xotěti, seloixъ — polfeixъ*). В результате утраты закрытых слогов в общеславянском языке возникли новые гласные. Вновь появляется долгое *u*, возникшее из дифтонгов *ou* и *eu*. Значительно увеличивается число морфем с долгим *i* (из дифтонгов *ei* и *oi*), с *ĕ* (из дифтонга *oi*). Появляются носовые гласные. Именно в этот период общеславянский вокализм имел тот вид, который дан в книге Мейе. Эта же система дана и А. М. Селищевым. Нужно, однако, указать, что и эта система общеславянского вокализма не может считаться той, которая непосредственно предшествовала распаду обще-

¹⁵ А. Мейе, указ. соч., стр. 16.

славянского языка. В позднейший период общеславянского языка существовали краткое *a*, долгое *o*, краткие носовые и т. д. Каждый из указанных нами этапов истории общеславянского вокализма тесно связан с определенными периодами истории консонантизма и грамматического строя.

§ 5. Каждый язык развивается по своим внутренним законам. При изучении этих законов нужно всегда помнить указание В. И. Ленина, что «явление *богаче закона*»¹⁶. Поэтому «...надо взять не примеры и не отдельные данные (при громадной сложности явлений общественной жизни можно всегда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения), а непременно *совокупность* данных...»¹⁷ Необходимо знать, что закон является отражением существенных связей между явлениями. Именно поэтому лингвист должен всегда за многочисленными фактами, явлениями, отдельными процессами видеть сущность. При изучении языковых явлений необходимо обращать внимание на выявление существенных связей. Подчеркивание мало существенных связей, побочных фактов исказит исторический процесс, не даст возможности определить законы развития языка. В трудах языковедов часто многочисленные детали затемняют важное, определяющее. Это приводит к ошибочному пониманию природы самого явления, к абстрактно-этимологической интерпретации языковых фактов. Так, многие историки чешского языка историю *ě* рассматривают на протяжении всей истории изолированно от истории *ě*, от истории гласного *a* после мягких согласных, тогда как в определенные периоды во всех указанных случаях переживались общие процессы, не имевшие собственно отношения уже к судьбе носового, *ě* или этимологического *a*.

Важнейшим законом дописменного периода истории общеславянского языка являлся закон утраты закрытых слогов, который имел место в поздний период существования этого языка. Вообще структура слога являлась важнейшим фактором в истории славянских языков. В определенный период истории общеславянского языка структура слога стала характеризоваться постепенным возрастанием звучности. Это привело к существенным изменениям всей его системы, так как закрытые слоги переходили в открытые различными способами и имели различные последствия.

В результате утраты закрытых слогов утратились конечные согласные (*domŕs* > *domŕ*, *reċet* > *reċe*, *toċ* > *to*), монофтонгизировались дифтонги и дифтонгические сочетания (*moŕxa* > *muxa*, *koŕna* > *ċċna*; *ronka* > *rŕka*, *meta* > *meta*, *vŕlkos* > *vŕlko*, *tŕrgos* > *tŕrgo*), произошли изменения в группах *tort*, *ort*, в связи с изменением слогораздела произошли упрощения группы согласных, возникли явления диссимилиации. Эти процессы в свою очередь вызвали появление протетических согласных, изменение задненёбных перед *ě* и *i* дифтонгического происхождения, ряд важных морфологических процессов. Историк славянских языков дописменного периода обязан вскрыть общее, определяющее во всех вышеуказанных явлениях, показать существенные связи между возникновением носовых и слоговых плавных, между утратой конечных согласных и упрощением групп согласных. Дело, однако, обстоит обычно совсем не так.

В «Старославянском языке» А. М. Селищева подробно изложена судьба носовых в общеславянском языке. Однако суть явления читателю остается неясной не только потому, что о причине возникновения носовых сказано мимоходом несколько слов, но и потому, что автор не устанавливает внутренней связи данного явления с другими явлениями. После носовых

¹⁶ В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 127.

¹⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 178.

согласно традиции дается описание редуцированных, хотя их история не связана с законом утраты закрытых слогов. В разделе «Сочетания редуцированных с плавными между согласными» объединены различные явления, происходившие в разные периоды. Но в то же время не установлена связь между возникновением слоговых плавных и носовых гласных. Глава о монофтонгизации дифтонгов вообще отсутствует, в книге находим только краткие замечания об этом явлении. После рассмотрения вопроса о *ьrь* автор начинает трактовать явления консонантизма, но касается вопросов древнейших эпох в истории общеславянского языка. В различных местах книги говорится о явлениях, возникших в результате о д н о г о закона. Объясняется это тем, что автор все свое внимание обращает на отдельные частности. Именно поэтому и частности остаются в книге не раскрытыми, случайными. Получается не история общеславянского языка, а изложение истории отдельных явлений. Отношения и связи между фактами общеславянского языка автор не вскрыл.

В определении этих отношений и связей и состоит главная задача истории языка. Определить их всегда трудно. Основные трудности возникают перед исследователем, когда он решает вопросы дописьменного периода. В этом случае возможны ошибки, неправильные выводы. Изложение исторического процесса будет отличаться схематичностью, сам процесс будет обеднен. Все это справедливо. И тем не менее при правильной реконструкции утраченных морфем, при верном их сопоставлении, при установлении внутренней взаимосвязи между ними и обнаруженными явлениями мы в самых общих чертах сможем восстановить важнейшие, существенные процессы общеславянского периода. В данном случае особенно опасно производить внешние сопоставления. Случайное сходство в различных процессах может обмануть исследователя и толкнуть его на путь ошибочных выводов. Примеры подобных внеисторических сопоставлений можно привести из различных трудов самого последнего времени.

В 1952 г. в Польше вышел капитальный труд известного польского лингвиста Куриловича «Ударение в индоевропейских языках», в котором автор излагает свою теорию славянской интонации. В этом выдающемся труде мы, однако, находим очень спорные сопоставления. Так, говоря о древнейших переходах ударения с кратких гласных на начальный слог в общеславянском языке, Курилович сопоставляет это с «аналогичным» явлением в штокавских говорах сербского языка. Однако природа этого явления в сербском языке совсем другая. В сербском языке это явление происходило совсем в другую эпоху, а кроме того, переход происходил с конечных слогов на предшествующие (не только на начальный слог).

Приведу другие примеры. В уже цитированной книге А. М. Селищева общеславянский переход конечного *m* в *n* сопоставляется с аналогичным процессом в чакавских говорах сербского языка. Мейе сопоставляет утрату славянских редуцированных в «слабой» позиции с утратой гласных *i* и *u* в северных говорах новогреческого языка. Подобного рода чисто внешние параллели из различных языков (даже родственных) не только не помогают вскрыть природу изучаемого явления, но могут толкнуть исследователя на ложный путь. Нужно избегать подобных сопоставлений, так как они не опираются на сравнительно-исторический метод. С таким же основанием болгаровед, исследующий вопрос об изменении безударного *o* в *y*, может сослаться на аналогичный процесс в португальском языке. Все эти параллели лишены конкретно-исторической базы и не помогают уяснению сущности и природы изучаемого явления.

Против подобных внешних сопоставлений предостерегал лингвистов еще в 1877 г. акад. Ф. Е. Корш. В своей известной диссертации он писал: «До какой степени опасно судить о взаимной близости языков по одина-

ковым превращениям отдельных звуков, видно из таких примеров, как переход *kw* в *n* в четырех языках, правда, родственных, но довольно далеких друг от друга, — греческом, британском, умбском и румынском., ослабление *n* в конце слога в глухой носовой звук во французском, церковнославянском и, вероятно, др.-персидском»¹⁸. Полагаю, что не менее опасно судить о природе сходных явлений в различные периоды истории славянских языков, если предварительно не установлена внутренняя связь между этими явлениями.

§ 6. Важнейшей задачей исследователей древнейшего периода истории славянских языков является определение словарного состава общеславянского языка. Оно очень важно для изучения звуковых изменений, истории грамматического строя и, наконец, истории реалий. Именно поэтому к подобного рода работам с большим интересом относятся историки.

Для изучения звуковых изменений это имеет большое значение потому, что, как мы видели выше, сравнительно-исторический метод опирается на изучение морфем, а определение древнейшего состава корней морфем невозможно без установления древнейшего словарного состава. При истолковании любого фонетического процесса мы должны знать историю привлекаемого нами слова. Нельзя опираться в определении сущности того или иного фонетического процесса общеславянского периода на слово, которое было заимствовано в сравнительно поздний период.

Длительное господство антимарксистского «нового учения» о языке Н. Я. Марра привело к тому, что было полностью прекращено изучение общеславянского словарного состава. Историки вынуждены были обращаться к антинаучным марровским этимологиям или к уже давно устаревшим трудам славистов XIX в. Вот почему конкретный лингвистический материал, который мы можем найти в трудах историков, часто мало надежен. Для иллюстрации могу привести широко известный труд проф. П. И. Лященко «История народного хозяйства СССР».

Проф. Лященко правильно указывает, что исследование словарного состава славянских языков может дать очень много для изучения хозяйства древних славян. Это бесспорно. Но автор представляет себе эту задачу очень легкой. Он пишет: «Отсутствие в языке самостоятельных корней и слов для обозначения каких-либо понятий и заимствование этих слов из языков других народностей указывают на отсутствие этих явлений и понятий у данной народности в период сложения ее языка»¹⁹. Что автор понимает под периодом «сложения языка», остается неясным. Общеславянский язык пережил длительное развитие. За этот период носители этого языка сами прошли сложный путь. Сменились различные виды хозяйства, существенно изменилась техника. И в этот древнейший период славяне жили не в изоляции. Они входили в сношения с другими племенами индоевропейского и неиндоевропейского происхождения. В результате конкретных условий то или иное слово могло быть заимствовано из языков соседей. Согласно утверждению Лященко, это будет свидетельствовать о том, что данного явления древние славяне не знали. Это не так. Заимствование слов само по себе еще не говорит о том, что предметов, обозначаемых данными словами, не было. Мы знаем многие случаи, когда свое, старое слово было полностью или частично вытеснено новым словом.

Проф. Лященко полагает, что «богатый лексикон общих слов» свидетельствует о том, что данное явление в древности получило особенное развитие. Он пишет: «Во всех славянских языках мы часто находим одни

¹⁸ Ф. Корш, Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса, М., 1877, стр. 9.

¹⁹ П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. I, 3-е изд., Госполитиздат, 1952, стр. 26.

и те же слова и корни слов для обозначения одних и тех же понятий. Так, если мы в таком „п्राязыке“ встречаем богатый лексикон общих слов, касающихся сельского хозяйства, земледелия, скотоводства, гораздо меньше — охоты и еще меньше — обрабатывающей промышленности, это означает, что народности, говорившие на этом языке, в преобладающей степени занимались сельским хозяйством, земледелием и скотоводством, в меньшей мере — охотой и в еще меньшей — обрабатывающими промыслами²⁰. На самом деле богатство и разнообразие лексики сплошь и рядом определяется самим характером деятельности человека. Так, терминология сельского хозяйства всегда богаче и разнообразнее терминологии охоты. Современные славянские языки бесспорно свидетельствуют, что древние славяне в широких размерах занимались охотой, что она играла большую роль в их хозяйстве. Были известны и некоторые обрабатывающие промыслы. Здесь прежде всего нужно указать на ткачество. Славянские языки представляют поразительное единство терминологии, связанной с ткачеством. Наряду с этим находим значительные колебания в скотоводческой терминологии. Тщательное изучение наименований домашних животных, домашней птицы может дать ценный материал для истории скотоводства. Но и здесь очень легко ошибиться.

Проф. Лященко утверждает, что лингвистические и археологические данные показывают, что преобладающей пищей у славян была пища растительная. «Об этом свидетельствуют многочисленные общеславянские термины, обозначающие предметы питания растительного происхождения, как *жито*, *брашно* (мука и вообще пища), *хлеб*, *каша*, а также *печь*, *варить* и др... К несколько более поздней эпохе относятся слова, обозначающие переработку продуктов скотоводства — *молозиво*, *сыр*, *творог* и др.; *мясо* — основной продукт — слово древнего общеславянского происхождения»²¹.

Данные славянских языков не подтверждают этого. Привлекая те или иные слова, исследователь должен хорошо знать их историю. Иначе можно сделать грубые ошибки, часто встречающиеся у проф. Лященко (например, отнесение греческого слова *скамя* к общеславянским словам).

Отсутствие во всех современных славянских языках общего слова не всегда может свидетельствовать о том, что обозначаемого им предмета у древних славян не было. Кроме того, нужно иметь в виду, что недостаточно для данных целей пользоваться материалом только литературных языков. Нужно помнить, что говоры любого славянского языка очень часто сохраняют слова, которые в литературном языке и в ряде говоров давно уже исчезли.

Но бывают ошибки и другого типа. Так, иногда говорят о глубокой древности какого-либо явления на том основании, что обозначаемое им слово известно всем славянским языкам. Сам по себе этот факт не может свидетельствовать всегда и во всех случаях о глубокой древности. Приведу один очень наглядный и убедительный пример. В свое время чешский историк славянских древностей Я. Воцель утверждал, что слово *корабль* относится к общеславянскому периоду, так как оно имеется почти во всех славянских языках. Однако это слово — сравнительно позднее заимствование из греческого языка (*καράβιον*).

При сопоставлении славянского языкового материала нужно всегда помнить, что в каждом славянском языке имеется много поздних заимствований из других славянских языков. Так, в болгарском, сербском, словацком и других языках мы находим много заимствований из русского языка; много чешских слов в позднее время проникло в словацкий, поль-

²⁰ Там же, стр. 25.

²¹ Там же, стр. 87.

ский и лужицкие языки; много польских заимствованных слов в белорусском и украинском языках. Поэтому при сопоставлении общих слов в славянских языках исследователь должен быть всегда уверен, что приводимые им слова не являются заимствованиями.

Необходимо также знать, что многие общеславянские слова, имеющие одно значение во всех современных языках, в прошлом имели другое значение. Если пользоваться методом проф. Лященко, то следует заключить, что уже в общеславянском периоде была письменность, существовал литературный язык, так как глагол *читати* и *писати* известен всем славянским языкам (ср. польск. *czytać, pisać*, чеш. *čísti, psáti*, болг. *чета, пиша*, серб. *читати, писати* и т. д.).

При осторожном подходе к языковым данным мы не сможем вслед за П. И. Лященко утверждать, что «названия в с е х (разрядка наша. — С. Б.) домашних животных — праславянского, некоторые даже праиндоевропейского происхождения»²². Слово *лошадь* (в южновеликорусских говорах слова *конь* не знают) не праславянского происхождения.

«При всем значении лингвистики, — пишет проф. Лященко, — в изучении истории общества необходимо признать, что до настоящего времени ее конкретное применение к изучению народного хозяйства многочисленных народностей, населявших Восточно-Европейскую равнину, теоретически еще недостаточно полно разработано, недостаточно обосновано историческим материалом. Поэтому в дальнейшем мы будем пользоваться данными лингвистики лишь в ограниченном виде»²³. Нужно, однако, отметить, что П. И. Лященко пользуется данными лингвистики совсем не в ограниченном виде. Собственно, весь древнейший период в истории хозяйства характеризуется им на основании данных славянских языков. П. И. Лященко слишком свободно, прямолинейно и неосмотрительно пользуется этими данными. Историк, поставивший перед собою такую задачу, должен хорошо знать лингвистическую науку, ее методы и приемы исследования. Автора оправдывает лишь то, что он не лингвист и что вся эта работа должна была быть проделана языковедами.

Именно поэтому перед авторами «Сравнительной грамматики славянских языков» стоит задача дальнейшего изучения древнейшего словарного состава общеславянского языка и его истории в связи с историей славян. В сводных сравнительных грамматиках родственных языков отсутствует отдел, рассматривающий историю словарного состава. Нам следует нарушить эту традицию и дать обстоятельную характеристику древнейшей славянской лексики, ее историю, изменение значений слов в связи с развитием общества и анализ заимствованных слов.

Историки древнейших эпох всегда очень нуждаются в новых, дополнительных фактах. Их дает главным образом археология. Нет сомнения, что языки также содержат богатейшие факты для истории доклассового общества. Именно так обстоит дело с историей славян. Обращение историков славянских народов к данным языков необходимо. Однако на этом пути их ждут большие трудности и опасности. Историки часто не видят специфических особенностей языкового материала. Во время господства «нового учения» о языке принято было ставить знак равенства между языком и культурой. Этому способствовало учение о надстроечном и классовом характере языка. Теперь в этот вопрос внесена полная ясность. Однако некоторые историки до сих пор стремятся решать лингвистические вопросы на материале своей науки.

В статье «О происхождении славян» проф. П. Н. Третьяков указывает, что нет оснований утверждать вслед за П. С. Кузнецовым, что восточно-

²² П. И. Лященко, указ, соч., стр. 84.

²³ Там же, стр. 26.

славянские племенные диалекты не имели существенных различий. «Различные восточнославянские племенные группы реально существовали и в начале I тысячелетия н. э., и в I тысячелетии до н. э., и еще раньше. Условия их образования (обособление от балтийцев, расселение, ассимиляция финно-угорских племен) неизбежно должны были привести к развитию ряда диалектов»²⁴. Это подтверждается тем, что «восточнославянские племена (кривичи, вятичи и др.) хорошо прослеживаются в их материале, начиная с III в. н. э....»²⁵. Возможно, что в распоряжении археолога имеется материал, характеризующий культуру кривичей и вятичей, начиная с III века н. э. Языковед лишен возможности обсуждать эти вопросы.

П. Н. Третьяков полагает, что восточнославянские племена должны были уже в глубокой древности различаться в языковом отношении. Лингвисты не хотят замечать этих различий, так как «они стремятся сохранить, по сути дела, ту антиисторическую концепцию происхождения восточных славян, которую развивали в свое время русские дореволюционные языковеды»²⁶.

Археолог, конечно, может высказать предположение о том, что восточнославянские племена могли иметь диалектные особенности. В таком предположении нет ничего антинаучного. Он может сослаться на данные других славянских языков, которые свидетельствуют об очень древних отличиях племенных диалектов западных и южных славян. Действительно, польско-поморские племенные диалекты отличались от древних чешских произношением *ě*, носовых гласных, судьбой сочетаний *tort*, историей интонационных и количественных отношений и рядом других черт.

Были сделаны попытки обнаружить древние (дописанные) диалектные особенности внутри восточнославянских языков. Однако все они были неудачными. Лингвисты не знают восточнославянских диалектизмов, которые были бы старше X — XI веков. Вот почему упрекать их в стремлении во что бы то ни стало поддержать этногенетические теории акад. Шахматова нет оснований.

Археолог А. Я. Брюсов вновь поднял вопрос об единстве «археологической культуры» и «племенного языка». В своей новой книге «Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху» он пишет: «Совпадает ли археологическая культура в этом отношении с языком или, точнее, с группой языков родственных племен... или же эти две категории — археологическая культура и племенной язык — никак не соответствуют друг другу? При этом необходимо помнить, что установившееся в археологии понятие „культура“ не совпадает с обычным пониманием этого термина. Поэтому неправы те товарищи, которые, вырывая из контекста фразу, цитируют слова И. В. Сталина: „...культура и язык — две разные вещи“ и на этом основании утверждают, что понятие „археологическая культура“ и „племенной язык“ несовместимы»²⁷.

Нужно сказать, что проф. Брюсов подменяет один вопрос другим. Никто не утверждает, что «археологическая культура» и «племенной язык» несовместимы. Хорошо известны многочисленные случаи именно совпадения данных археологии и языкознания. И в этом нет ничего противо-

²⁴ П. Н. Третьяков, «О происхождении славян», «Вопросы истории», М., 1953, № 11, стр. 82.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ А. Я. Брюсов, «Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху», М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 20.

естественного. «Было бы странным и противоречащим действительности предполагать, что небольшая локальная группа, составлявшая самодовлеющее хозяйственное целое в палеолите и эпипалеолите, не имела своего единого родового языка. Это настолько очевидно, что едва ли найдутся противники такого предположения...»²⁸ Трудность позиции проф. Брюсова состоит, однако, в том, что никто и не предполагает этого. Ведь речь идет, во-первых, не о «небольшой локальной группе», а о значительной территории распространения таких «археологических культур», как «трипольская», «лужичская» и др., и, во-вторых, речь, обычно, идет не о палеолите, а о неолите и даже металле, т. е. о сравнительно поздних эпохах в истории человечества. Для данного периода единство археологической культуры не может свидетельствовать не только об единстве языка, но даже об этническом единстве. Невозможно предполагать единство языка у носителей поздних «археологических культур». Ведь сам Брюсов вынужден признать, что у археологов «...нет доказательств того, что каждая археологическая культура соответствует особому, единому языку, а тем более диалекту, т. е. что каждая такая культура соответствует одному сложившемуся в это время племени»²⁹.

В поздние периоды многие «археологические культуры» занимали огромную территорию. Археолог не только ничего не может сказать о языке, но не может ничего утверждать об этнической принадлежности носителей этой культуры. Именно поэтому так часто в археологической науке меняются взгляды по этим вопросам. Наиболее яркий пример за последнее время — вопрос об этнической и языковой принадлежности носителей «трипольской культуры». В период господства «нового учения» о языке среди археологов получила широкое хождение гипотеза о славянской или протославянской принадлежности трипольцев. Под влиянием этой гипотезы проф. Лященко и в своем последнем издании «Истории народного хозяйства СССР» полагает, что «новейшие археологические памятники, особенно по трипольской культуре, позволяют утверждать, что славяне в лице каких-то протославянских предков принадлежали к автохтонам Средней и Юго-Восточной Европы и заселяли ее еще значительно раньше, чем указывают дошедшие до нас исторические письменные памятники»³⁰. Однако большинство археологов ныне считают трипольцев фракийцами. Но и для этого суждения нет никаких данных.

Археологи в решении этногенетических проблем придают огромное значение территориальной преемственности. Переоценка этого факта связана с марровским нигилистическим отрицанием миграций. Т. С. Пассек и другие археологи считали, что трипольцы являются предками современных народов Карпато-Дунайского района, в частности славян. В результате исследований трипольских поселений по-новому освещается история Днепровско-Днестровского бассейна, где позднее оформляются славянские племенные объединения, положившие начало Киевской Руси³¹, — говорит Т. С. Пассек. Однако сам археологический материал ясно свидетельствует, что носители трипольской культуры в результате каких-то событий вынуждены были покинуть заселенную ими территорию. Именно этим обстоятельством и объясняется значительное количество находок.

²⁸ А. Я. Брюсов, указ. соч., стр. 21.

²⁹ Там же, стр. 23.

³⁰ П. И. Лященко, указ. соч., стр. 47.

³¹ Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений («Материалы и исследования по археологии СССР [Ин-та истории материальной культуры АН СССР]», № 10), М. — Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 239. В настоящее время Т. С. Пассек считает это положение ошибочным. Подробнее см. в ее статье «О марровских ошибках в изучении трипольских племен» (сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии», М., 1953, стр. 104—118).

Произошли перемещения населения. Возможно, что на данной территории происходили значительные этнические перемены и в более позднее время.

Нет сомнения, что в «Сравнительной грамматике славянских языков» должен быть приведен и тщательно проанализирован тот лингвистический материал, который может помочь историкам исследовать древнейшие судьбы славянства. Необходимо подвергнуть всестороннему анализу материал, на основании которого строили свои гипотезы дореволюционные русские лингвисты и историки (главным образом А. А. Шахматов), зарубежные славянские ученые (например, Т. Лер-Сплавинский) и советские археологи. Лингвистам нужно с большим вниманием отнестись к итогам многолетних исследований советских археологов, тщательно изучить их материал и лучше познакомиться с принципами их работы.

Многие лингвисты решительно выступают против тех археологов, которые на основании данных своей науки утверждают, что славяне в середине I тысячелетия н. э. занимали обширную территорию от Одера до Днепра. Эти лингвисты исходят из того положения, что в период общеславянского языка славянские племена не могли занимать большую территорию, так как в таком случае общеславянская языковая общность была бы нарушена. Общность процессов общеславянского периода указывает якобы на то, что славянская территория в первые века новой эры не могла быть значительной. Эта мысль кажется настолько убедительной, что с ней считаются даже некоторые археологи. «До раннего средневековья,— говорит А. В. Арциховский,— славянская территория была сравнительно невелика...»³² Однако общность процессов общеславянского периода определяется отнюдь не размерами территории, а характером языкового развития в ранние эпохи истории родственных племен. Территориальный фактор играет роль, но роль второстепенную. Разобненность и изоляция населения может иметь место и на сравнительно небольшой территории (даже на такой, о которой говорил акад. Шахматов).

Никто не может сомневаться в том, что в начале IX в. славянские племена занимали большую территорию. И, несмотря на это, личное имя *Karl* (Карл Великий) явилось общеславянской исходной морфемой для *король*, *król*, *краль* и т. д. Единство процессов определяется внутренними законами развития языка. Утрата редуцированных в «слабой» позиции происходила в истории отдельных славянских языков в X—XII вв. И тем не менее условия утраты были почти идентичными во всех славянских языках. Период существования племенных языков характеризуется необычайной устойчивостью внутриязыковых связей. При таких условиях единство языкового развития не нарушается даже в том случае, если носители родственных племенных диалектов занимали большую территорию. Археологи должны знать, что у лингвистов нет надежных аргументов против гипотез о том, что славяне в первые века новой эры могли занимать обширные районы Восточной и Средней Европы. Иначе дело обстоит с территорией поселения южных славян. До VI в. н. э. на территории Балканского полуострова славян не было.

В данной статье мы затронули некоторые важные вопросы, связанные с большой и очень ответственной работой над созданием «Сравнительной грамматики славянских языков». Эти вопросы требуют всестороннего обсуждения.

³² А. В. Арциховский, Пути преодоления влияния Н. Я. Марра в археологии, сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии», стр. 66.